

Судебный процесс

по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины

венный обвинитель считает неопровержимыми обвинения, предъявленные обвиняемому Пужаку, и поддерживает обвинение в отношении подсудимых Багинского, Звезжинского, Мерзвы, Чарновского, Стыпулковского, Урбанского и Хацинского, но находит возможным в отношении всех восьми подсудимых ограничиться наказанием, не связанным с длительным

лишением свободы. В заключение, переходя к роли подсудимых Михаловского, Кобылянского и Стельера-Домбского — государственного обвинителя заявил, что он считает, что достаточных доказательств их вины на судебном следствии не собрано, вследствие чего он не поддерживает обвинительный приговор в отношении их.

Суд переходит к слушанию речи защиты.

Слово для защитительной речи предоставляется подсудимому Окулицкому, который пожелал защищать себя сам.

В своей речи ОКУЛИЦКИЙ говорит, что в этом процессе речь идет об осуждении деятельности польского подполья, которая была направлена против Красной Армии, угрожала интересам Советского Союза, делу Объединенных наций в борьбе против Германии. Однако, утверждает подсудимый, «польское подполье имеет большой капитал в своей борьбе с Германией». Призывая свою морально-политическую ответственность за факты подрывной деятельности против Красной Армии, Окулицкий оспаривает обвинение его в организации террора и диверсий против Красной Армии. Он утверждает, что у него, как главнокомандующего «Армии Крайовой», была порвана всякая связь с восточными районами, в которых имела место террористическая и диверсионная деятельность со стороны «АК». В западных районах, утверждает Окулицкий, в которых он осуществлял руководство, диверсии и террористическая деятельность против Красной Армии отсутствовали.

Окулицкий признает, что обвинением был брошен яркий свет на факты террора со стороны «Армии Крайовой». Он говорит, что это — «потрясающие факты», выставляющие действия «Армии Крайовой» в самом кошмарном виде.

Окулицкий утверждает, что напряженность и многие недоразумения во взаимоотношениях между Польшей и Советским Союзом уходят своими корнями в историческое прошлое, поскольку на протяжении многих десятилетий Польша находилась под гнетом царской России. Ведь мы не знали, — заявляет Окулицкий, — какие изменения произошли в вашей национальной политике, какая у вас произошла внутренняя перемена и перестройка государства.

Возражая прокурору, Окулицкий заявил, что если с политической точки зрения возможно оценивать варшавское восстание как авантюру, то с солдатской точки зрения такая оценка не правильна.

Окулицкий признает себя виновным в невыполнении распоряжений советского командования.

Он считает себя виновным в том, что «Армия Крайова» не сдала оружия, боеприпасов, а, наоборот, издал приказ спрятать оружие, боеприпасы. Он считает себя виновным в том, что по его приказу были сохранены подпольные штабы и радиостанции, через которые поддерживалась нелегальная радиосвязь с Лондоном, в том, что он создал новую законспирированную организацию «НЕ» и вел пропагандную работу против Красной Армии и Советского Союза.

— Недоверие к Советскому Союзу — самая большая моя ошибка. И эта ошибка определяет все доверие к своему правительству, — заявляет Окулицкий.

Окулицкий говорит, что глубоко убежден в необходимости польско-советской дружбы и что только при условии такой дружбы и независимости Польши возможно преуспевание Польши.

Следующим выступает адвокат БРАУДЕ, защищающий подсудимых «министров» подпольного «правительства» — Бень и Ясюковича.

— Признавая себя виновными, Бень и Ясюкович, — говорит тов. Брауде, — возражали против обвинения их в том, что они собирались в блоке с Германией воевать против СССР. Оба решительно отрицали всякое предположение о том, что знали о конкретных фактах диверсий и подрывной деятельности. Полностью признавая все остальные пункты предъявленного им обвинения, Бень и Ясюкович взяли на себя моральную и политическую ответственность за всю деятельность подпольного «правительства». Вместе с тем на суде они решительно и твердо осудили всю свою прошлую деятельность, осудили деятельность своего подпольного «правительства» и деятельность лондонского эмигрантского «правительства», которое фактически ими руководило. И Бень и Ясюкович своими показаниями доказали, что они не стоят на той точке зрения, какой придерживался генерал Окулицкий и на этой точке зрения стоять не будут.

Оба подсудимых заявили, что они искренне раскаиваются, что они были не правы, что они считают свое прошлое политической ошибкой, как и ошибкой тех, кто руководил ими из Лондона.

Адвокат Брауде просит у суда о мягком, снисходительном приговоре для подсудимых.

свои действия и взгляды. Я прошу в отношении Урбанского учесть все эти обстоятельства и вынести ему максимально снисходительный приговор.

Адвокат ОЦЕП, защищающий подсудимого Звезжинского, заявляет:

— Вся преступная деятельность Звезжинского это — деятельность не подстрекателя, не пособника, а деятельность попустителя. Считаю, что обвиняемый признал свои заблуждения и преступления, многое передумал и понял, защитник, обращаясь к суду, предлагает применить в данном случае статью 8-ю УК РСФСР, которая проникнута гуманной правовой идеей.

Слово получает адвокат КАЗНАЧЕЕВ, защищающий подсудимых Хацинского и Пужака.

Защитник просит об оправдании Хацинского.

В отношении Пужака защитник просит суд, учитывая признание подсудимого, применить такую меру наказания, которая не требует длительных сроков лишения свободы.

Председательствующий предоставляет слово подсудимому ЯНКОВСКОМУ, который выразил желание защищать себя лично. Он признает, что несет политическую ответственность за организацию «НЕ», так как был информирован о ее деятельности. Подсудимый Янковский признает также, что его инструктаж, посланные делегатуры, повлияли на обострение отношений с Советским Союзом. Он заявляет, что знал об организации террора и диверсий участников «АК» в тылу Красной Армии, но считал и считает, что эти акты были ошибочными.

Далее слово предоставляется подсудимому СТЫПУЛКОВСКОМУ, который также пожелал защищать себя сам. Стыпулковский говорит, что будучи юридическим и политическим советником партии «Стронництво народов» до марта 1945 года, он не был осведомлен о террористическо-диверсионной деятельности против Красной Армии. Стыпулковский заявляет, что активную деятельность против Красной Армии во время ее борьбы с немцами я осуждал, как глупость и преступление против польских интересов. Стыпулковский просит его оправдать.

После перерыва суд переходит к заслушиванию последних слов подсудимых.

Первым говорит подсудимый ОКУЛИЦКИЙ.

— Я признаю, — говорит он, — что мы совершили на Советский Союз большое покушение и сделали крупные ошибки. Они вытекали из нашего недоверия к Советскому Союзу. А это недоверие вытекало из пропаганды, исходившей от польского правительства в Лондоне.

Реакция советских властей на нашу деятельность и наше присутствие здесь, на скамье подсудимых, вполне понятны. Для этого есть достаточно оснований. Я хочу подчеркнуть хорошее отношение советских властей ко мне, как к преступнику, как к арестованному.

Ваш приговор, господа судьи, я приму спокойно, с уверенностью, что ваше решение будет правильным. Я считаю, что я виноват, но я действовал, как солдат.

Подсудимый СТЕМЛЕР-ДОМБСКИЙ говорит:

— Я в своем последнем слове хотел сказать о своих убеждениях и надеждах, но ограничусь двумя словами: прошу оправдать меня.

Последнее слово предоставляется подсудимому ЯНКОВСКОМУ.

— Я назову этот процесс трагическим процессом. Я назову его так потому, что он происходит в Москве, в столице Советского Союза, в столице страны, чья армия выбросила немцев из Польши, освободила ее. Я назову этот процесс трагическим потому, что он происходит в столице Советского Союза, где недавно был подписан договор о дружбе между СССР и Польшей.

У нас было опасение, что Советский Союз будет угрожать независимости Польши. Это опасение, к счастью, не оправдалось.

В ненормальных отношениях, которые создались между СССР и Польшей, большую роль сыграла та ошибочная политика, которую вело польское правительство в Лондоне.

Подсудимый КОБЫЛЯНСКИЙ заявляет, что он считает свое последнее слово излишним и просит суд оправдать его.

— Я признаю, — говорит подсудимый БЕНЬ, — что моя деятельность была преступной. Откуда вытекали наши ошибки? Они вытекали из неправильной политики лондонского польского правительства, которую мы, находясь в подполье, воспринимали не критически.

Господин прокурор сказал здесь сегодня, что у Польши могут быть только два пути: либо с Советским Союзом, либо с немцами. Это совершенно правильно. С немцами невозможно никакое сотрудничество. Поэтому единственный путь — это тесное дружеское сотрудничество с Советским Союзом. И нужно, чтобы польскую политику взяли в свои руки те деятели, которые не вели ошибочной политики, подобной той, что ведет до сегодняшнего дня польское правительство в Лондоне. На месте таких людей должны прийти люди с демократическим мировоз-

зрением, которые смогут наладить хорошие отношения с Советским Союзом. И тогда дружба между СССР и Польшей утвердится не на двадцать лет, как записано в договоре, а навсегда.

Подсудимый МИХАЛОВСКИЙ просит суд освободить его от наказания и дать возможность скорее вернуться в Польшу, чтобы начать честно работать на благо польского народа, в интересах укрепления советско-польской дружбы.

Последнее слово предоставляется подсудимому ЯСЮКОВИЧУ.

— Я понимаю, — заявляет он, — что подпольное польское правительство, и я в том числе, стали на ложный политический путь. Стрелка была поставлена неправильно, мы во-время не затормозили и зашли в тупик.

Я позволю себе приветствовать заявление господина прокурора о том, что нет в мире силы, которая могла бы сорвать советско-польский договор о дружбе.

Подсудимый ПУЖАК говорит, что он, как председатель «Рады единности народов», готов нести ответственность за ее деятельность. Он признает свою ответственность за пользование нелегальными радиопередатчиками.

Свою ответственность за то, что он знал о существовании нелегальных радиопередатчиков, о совершении диверсионных актов со стороны отрядов «Армии Крайовой», признает подсудимый ХАЦИНСКИЙ.

Я прошу, — говорит подсудимый ЗВЕЖИНСКИЙ, — чтобы при вынесении приговора были учтены все мои показания и те доводы, которые представил здесь мой почтенный защитник. Я верю, что будут созданы все условия для осуществления добрососедских и дружеских отношений между СССР и Польшей.

Подсудимый ЧАРНОВСКИЙ говорит в своем последнем слове, что он признает себя виновным в участии в подпольной деятельности. Польское подполье, — заявляет он, — в котором я принимал активное участие, сделало много ошибок по отношению к СССР. Эти ошибки вытекали из неправильного понимания сложившейся обстановки.

Подсудимый БАГИНСКИЙ заявляет, что он не несет ответственности за террористическую и диверсионную деятельность «Армии Крайовой» и подробно говорит о разногласиях и конфликтах в польском подполье.

Подсудимые УРБАНСКИЙ, МЕРЗВА и СТЫПУЛКОВСКИЙ просят Верховный суд о вынесении им оправдательного приговора.

Последние слова подсудимых закончены. Суд удалется на совещание для вынесения приговора.

Вечернее заседание 20 июня

Слово получает адвокат ПЛЕВАКО, подзащитным которого является Стельер-Домбский. Защитник заявляет о своем согласии с прокурором, который отказался от обвинения Стельера-Домбского.

Слово предоставляется адвокату МИЛОВИДОВУ. Он защищает подсудимых Кобылянского и Чарновского.

Выступая в защиту Кобылянского, тов. Миловидов говорит:

— Из показаний и материалов предварительного следствия вытекает, что Кобылянский не занимал никакого официального положения и не приступал еще к участию в так называемом подпольном «парламенте». Он был кандидатом в члены этого «парламента» на случай выбытия из него кого-либо. — Защитник просит вынести подсудимому Кобылянскому оправдательный приговор.

Говоря о другом своем подзащитном — Чарновском, адвокат Миловидов просит учесть, что Чарновский признал правильность предъявленных ему обвинений.

Защитник просит о смягчении

приговора подсудимому Чарновскому.

Адвокат МАРКЕВИЧ защищает подсудимых Вагинского и Мерзвы. Защитник, указывая, что его подзащитный Мерзва не участвовал в террористической деятельности против Красной Армии, просит суд отказаться от обвинения Мерзвы.

Говоря о подсудимом Багинском — вице-президенте «Рады единности народов», адвокат напоминает слова прокурора «громкий титул, но мало содержания» и просит о максимальном снисхождении для подсудимого Багинского.

Адвокат МИХАЛЬСКИЙ защищает подсудимых Урбанского и Михаловского. В отношении Михаловского он просит вынести оправдательный приговор.

Переходя к защите подсудимого Урбанского, тов. Михальский говорит:

— Урбанский признал себя виновным. Роль и значение его в данном процессе — второстепенные. Он был исполнителем, находившимся под влиянием других лиц. Он признал ошибочными

приговора подсудимому Чарновскому.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе: Председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-полковника юстиции УЛЬРИХА В. В., членов Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-майора юстиции ДМИТРИЕВА А. Д. и полковника юстиции ДЕТИСТОВА И. В. при секретарях: полковнике юстиции БАТНЕРЕ А. А. и подполковнике юстиции КУДРЯВЦЕВЕ Л. Н.

с участием представителей Государственного обвинения: Главного военного прокурора Красной Армии генерал-майора юстиции АФАНАСЬЕВА Н. А. и государственного советника юстиции 2-го класса РУДЕНКО Р. А. и представителей Московской Коллегии Адвокатов: БРАУДЕ И. Д., МИХАЛЬСКОГО В. И., МИЛОВИДОВА И. Н., КАЗНАЧЕЕВА С. К., МАРКЕВИЧА В. П., ОЦЕП М. А. и ПЛЕВАКО С. Ф.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

в открытом судебном заседании в г. Москве 18—21 июня 1945 года рассмотрела дело по обвинению:

1) ОКУЛИЦКОГО Леопольда Блажевича, 1898 года рождения, уроженца Краковского воеводства, поляка, польского гражданина, бригадного генерала польской армии, окончившего военную академию польского генерального штаба — в преступлениях, предусмотренных статьями 58-6, 58-8, 58-9, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

2) ЯНКОВСКОГО Ян-Станислава Иосифовича, 1882 года рождения, уроженца Высоко-Мазовецкого уезда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя премьер-министра польского лондонского «правительства» с пребыванием в Польше и руководителя подпольного польского «правительства»;

3) БЕНЬ Адама Валентьевича, 1899 года рождения, уроженца

Сандомирского уезда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена президиума «Стронництво людове», министра подпольного польского «правительства»;

4) ЯСЮКОВИЧА Станислава Игнатьевича, 1882 года рождения, уроженца города Ленинграда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена президиума «Стронництво людове», министра подпольного «правительства» —

всех троих в преступлениях, предусмотренных статьями 58-8, 58-9, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР;

5) ПУЖАКА Казимира Войцеховича, 1883 года рождения, уроженца города Тарнополя, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, генерального секретаря ППС, председателя подпольного парламента «Рады единности народов»;

(Окончание см. на 4 стр.)